

АЛЕКСАНДР СОКУРОВ:

Культура. - 1997 - 17.04.97. - с. 11.

Под парусами в ту сторону идти нельзя

Александр Сокуров впервые участвовал в отечественном фестивале в Сочи, где прошла его ретроспектива, а фильм "Мать и сын" вошел в конкурс. Теперь эта картина включена в основную программу XX МКФ. Предлагаем вашему вниманию фрагменты беседы с режиссером, состоявшейся в Сочи после просмотра его фильма.

- Вы сказали, что картина "Мать и сын" — это уже не кино. Есть ли термин для определения того, что вы сейчас делаете?

— Я испытываю тревожное чувство потери интереса собственно к кинематографу, языку, монтажу и контексту кино. Это вызывает проблемы с принятием решения: а что же будет следующей работой нашей группы? Если такая внутренняя установка обозначилась, значит, содержание того, что мы делаем, уже не может быть прежним. Очень большое влияние оказали поездки в Японию, где мы побывали уже восемь раз, работая над совместными проектами. Более трагичной нации, чем японская, я не представляю, как и более уникальной в своей обыденности. Эти наблюдения оказали огромное влияние на мое человеческое развитие.

— Расскажите об актерах, снимавшихся в фильме.

— В России блестящие актеры. Они профессиональнее и лучше режиссеров. Очень многие актеры, знакомство с которыми есть для меня честь, а это в основном женщины, выше и талантливее меня в той области, которой я занимаюсь. В наших фильмах совсем другие задачи. Здесь не нужны натренированная психика и возбудимость натуры, столь развитые в актерах. Важно, чтобы человек, снимающийся в нашем фильме, считал это для себя огромным событием личной жизни. Не профессиональной судьбы, не светских обстоятельств, а личной жизни. Практически никто

из тех людей, что снимались в наших фильмах, не пошли по пути профессиональной актерской карьеры, не впали в заблуждение, что могут то, что актеры.

Актерское дело — высокое профессиональное занятие, которое нельзя оскорблять пародией на него. Мы не делаем игровых фильмов, потому и задача во время работы над сценой не ставится, как актерская. Только однажды, когда мы работали с Рамазом Чхиквадзе в фильме "Скорбное бесчувствие", задачи выдвигались действительно актерские.

— Сколько времени длились съемки и как давно родился ваш замысел?

— Фильм снимался в течение полутора недель в России и восемь дней в Германии. Было опасение, что фильм с таким содержанием вызовет неприятие. По поводу этой картины трудно спорить. Каждый предъявляющий претензии прав. И мне нужно только молчать и опускать голову. Картина открыта со всех сторон, а то, что в ней происходит, у каждого в жизни происходит по-своему.

— Как вы относитесь к понятию "смерть", боитесь ли ее? Возникало ли

чувство страха во время съемок?

— Этот вопрос не для публичного ответа. Конечно, боюсь, как каждый человек. У нас есть два варианта прихода к этой точке. Первый — в результате мучительного умирания, которое приносит огромные душевные и эмоциональные проблемы уходящему и его близким. Второй вариант — прекрасная смерть, скажем, во сне. Этого подарка судьбы удостоиваются немногие. Во время съемок мы говорили о смерти, как о единственно главном событии в жизни человека. Именно в жизни. Я настаиваю. Никто ведь не знает, каково следующее за ним событие. Никто оттуда не возвращался. Мы никогда с этим не играли. Это та лодка, которую нельзя раскачивать. Под парусами в ту сторону идти нельзя.

— В то время, как киноэкран являет нам соблазны, вы идете поперек движения. Но вы полагаете, что достигли того момента, когда кино технологически перестает выражать то, что вам хотелось бы?

— Мне не приходилось работать в условиях, близких к профессиональной норме. В картине "Мать и сын" перед нами стояла художественная задача, решить которую нельзя никакими особыми техническими средствами, а только кистью и краской. Достижение художественного результата во многом определялось длительностью работы над кадром. Иногда он ставился пять часов, а то и целый день. Это было похоже на те ступени, по которым поднимаются люди, занимающиеся живописью. Дело даже не в технологической истощенности. Хотя кино и телевидение — очень технически бедная среда для искусства. Я прекрасно понимаю, что мне надо учиться заново работать с изображением. Есть странный и глубокий опыт живописи, рисунка. Надо отбросить прочь гордыню кино и просто с самого начала учиться.

Публикацию подготовила
Светлана ХОХРЯКОВА